

Чу Вэй сколько себя помнил рос в нищете. Едва научившись говорить, он то и дело донимал деда расспросами о том, куда подевались его родители.

Дедушка неизменно отвечал, что те уехали на заработки в большой город. С тех пор в детском сознании прочно укоренилась мысль: чтобы раздобыть денег, нужно тяжело трудиться на чужих людей.

В их деревне все едва сводили концы с концами. Те немногие, кому удавалось скопить хоть какую-то копейку, спешили навсегда покинуть эти глухие места и со временем обрывали всякие связи со своей малой родиной.

На самом деле Чу Вэй никогда всерьез не задумывался о богатстве — скромность и бережливость вошли у него в привычку с пеленок. Шифу всегда твердил, что духовное делание нужно лишь для закалки тела и очищения разума, а тайные искусства, которые мальчик постигал под его началом, призваны защитить в миг смертельной опасности. Никто и никогда не заикался о том, что древними знаниями можно торговать.

Слова долговязого монаха в мгновение ока распахнули перед Чу Вэем двери в совершенно иной, неведомый доселе мир.

Оба буддиста без лишних церемоний уселись за стол. От их недавней напускной святости и благообразного величия, которыми они щеголяли перед толпой, не осталось и следа — теперь они вели себя удивительно просто и естественно.

— В наше время без гроша в кармане и шагу ступить нельзя, — со вздохом заговорил рослый.
— Вот нам с младшим братом и приходится кормиться единственным ремеслом, которым владеем.

Поняв, что за долгим разговором они так и не представились как подобает, долговязый монах поднялся и чинно сложил ладони:

— Мы с собратом — буддийские монахи, посвятившие жизнь изучению Дхармы. Мое духовное имя — Ляокун, а моего младшего брата зовут Ляожань. Можете звать нас так, юный благодетель.

Чу Вэй ответил просто и без лишней скромности:

— Меня зовут Чу Вэй. Ни к каким школам я не принадлежу, так, занимаюсь понемногу ради забавы.

«Ради забавы...»

Монахи переглянулись, и в глазах каждого отразилось глубокое уныние. Они годами изнуряли

себя суровым подвижничеством, а в итоге уступили сопливному мальчишке, который совершенствуется просто от скуки. От осознания масштаба его природного дарования невольно брала зависть.

Однако Чу Вэя куда больше занимала практическая сторона вопроса. Пусть он и вырос в глуши, не зная роскоши, разум его оставался острым: парень прекрасно понимал, что за пределами родной деревни за каждый шаг придется платить. На родителей надежды не было никакой, семейных сбережений дед тоже не оставил, так что рассчитывать приходилось исключительно на собственные силы.

Но как быть? Он еще несовершеннолетний. Даже если в следующем году он окончит школу и поступит в университет, то все равно останется вчерашним студентом без единой капли трудового опыта. А вот если пустить в ход его скрытые таланты, можно убить двух зайцев одним ударом.

Чу Вэй вежливо подлил гостям теплого чая и полюбопытствовал:

— Почтенные мастера, а как именно вы зарабатываете этим ремеслом?

Юноша был поразительно красив. Утонченные, безупречные черты лица и простодушный, открытый взгляд располагали к себе с первого мгновения, и даже заношенные до белизны футболка с брюками не могли скрыть его природного, почти неземного изящества. Под этим обезоруживающе искренним взглядом Ляокун невольно преисполнился важности. Горделиво выпрямив спину и желая наставить молодое дарование на путь истинный, он пустился в неторопливые объяснения.

Оказалось, что людей с подобными способностями в мире предостаточно, просто обывателям о них знать не положено — ведь для большинства потусторонние силы остаются лишь сказками да досужими вымыслами. Век за веком человечество шло по пути прогресса, и теперь любые странности принято объяснять с точки зрения науки. Но в действительности изнанку реальности исподтишка контролируют адепты тайных искусств.

У государства для этих целей даже есть официальные ведомства. Стоит где-то разыгаться чертовщине или произойти необъяснимому преступлению, как за дело берется Особый отдел. Они устраняют угрозу, а затем мастерски маскируют произошедшее под бытовой инцидент, давая ему вполне логичное, научное обоснование. Так удается избежать паники среди простого люда.

— Но есть и те, кто не желает связывать себя государственной службой, — продолжал Ляокун. — Свободные практики открывают собственные конторы или сотрудничают со сторонними агентствами в качестве наемников. Они берутся за частные заказы: толкуют фэншуй, изгоняют нечисть, очищают дома от скверны. Этим и живут.

Размявшись, монах почувствовал жажду и в один глоток осушил пиалу.

— Мы с братом — вольные странники. Имя наше в определенных кругах на слуху, так что в посредниках мы не нуждаемся, клиенты сами выходят на нас. Вот и в этот раз получили письмо с просьбой о помощи. Поскольку мы с Ляожанем были неподалеку, решили заглянуть.

Чу Вэй слушал затаив дыхание. Огромный мир за пределами его крошечной родины казался невероятно ярким и полным тайн. Раньше он пытался вообразить его по редким книгам, но прекрасно понимал, что сухие строчки на бумаге — лишь верхушка айсберга. Реальность оказалась куда глубже, сложнее и удивительнее, чем он смел мечтать.

Ляокун замолчал на мгновение, подбирая слова, а затем предостерег:

— Но помни: плата всегда зависит от мастерства и сложности дела. Коли переоценишь свои силы и сгинешь во время ритуала, пенять придется только на себя.

«Не умеешь шить золотом — не берись за иглу», — эту простую истину следовало зарубить на носу.

Однако мысли Чу Вэя уже унеслись далеко за пределы родных мест. Если такой способ заработка действительно существует, ему больше не придется ломать голову над тем, как обустроить жизнь в городе.

— Мастер, а как находят эти заказы?

Сам он в подобных делах ничего не смыслил. Кто доверит судьбу дома или жизнь безвестному мальчишке без имени и репутации?

Ляокун добродушно усмехнулся и, пошарив в складках своей широкой монашеской рясы, извлек на свет новенький смартфон.

— Сейчас все просто. Есть специальное мобильное приложение, а в нем — закрытый форум. Там собираются как любители острых ощущений, так и обычные люди, столкнувшиеся с чертовщиной и ищущие помощи. Они оставляют заявки, а мастера сами выбирают, за что взяться. Правда, пустышек тоже хватает: порой шутники просто нагнетают жути ради забавы. Тут ухо нужно держать востро и уметь отличать зерна от плевел. На первый взгляд это обычная сетевая болталка, но для знающих людей там скрыты особые каналы связи. Со временем сам во всем разберешься.

Чу Вэй завороченно уставился на блестящий экран и долго не мог вымолвить ни слова.

— Что-то не так, юный благодетель? — забеспокоился Ляокун.

Парень поспешно мотнул головой:

— Нет, все в порядке.

Просто у него никогда не было телефона. Единственной ниточкой, связывающей их глухомань с внешним миром, был старый дисковый аппарат у деревенской лавки. Именно в эту секунду Чу Вэй с кристальной ясностью осознал, до чего же он беден. Потребность в деньгах из далекой перспективы превратилась в острую, жгучую необходимость.

Ляокун, судя по всему, тоже смекнул, в чем дело. Деревня Малун была, пожалуй, самым убогим и нищим местом из всех, где ему доводилось бывать — ни в одном доме не нашлось даже захудалого телевизора. Из-за непроходимого бездорожья сюда, верно, не добиралась никакая государственная помощь.

Чу Вэй мысленно сделал выводы и не стал заикливаться на своей бедности, переведя разговор на тонкости духовного совершенствования. Все свои познания он перенял у Шифу — тот был для него неиссякаемым кладом мудрости. Наставник знал ответы на любые вопросы, а Чу Вэй ловил каждое его слово, благодаря чему и сумел достичь нынешних высот.

Разговор вышел поверхностным: у каждого ордена и школы свои секреты, методы закалки духа разнятся, и раскрывать их посторонним не принято. И все же даже те крупницы, которыми поделился юноша, заставили Ляокуна проникнуться к нему глубочайшим уважением. На прощание монах настойчиво записал на клочке бумаги свои контакты, пообещав прийти на выручку по первому зову.

Они проговорили до глубоких сумерек. Вернее, беседовали в основном Чу Вэй и Ляокун, пока Ляожань, угрюмый как сыч, безмолвно сидел рядом и внимал их речам.

Уже у порога Ляокун обернулся и негромко спросил:

— Дитя мое, позволь напоследок задать еще один вопрос.

— Спрашивайте, — кивнул Чу Вэй.

— Ты ведь мог сам, без чужой помощи, упокоить души несчастного семейства Ван. Зачем же было устраивать весь этот фарс с раскаянием деревни? Хотел проучить их?

Чу Вэй на мгновение задумался, глядя на темнеющий горизонт.

— В каком-то смысле да. Все в мире связано путами причин и следствий. Даже если бы мы обратились в полицию, за давностью лет закон бессилён — ни улик, ни свидетелей не осталось. Пускай уж лучше они до конца дней своих несут это бремя и замаливают грехи перед теми, кого сжили со свету.

Ляокун тяжело вздохнул:

— А те, кто откажется молиться... неужели их и впрямь настигнет кара мертвецов?

Губы Чу Вэя изогнулись в загадочной, слегка зловещей улыбке:

— Кто знает, мастер. Кто знает.

Ляокун, кажется, все понял. Откланявшись вместе со своим молчаливым спутником, он покинул тихий дом.

Тем же вечером от жены старосты прибежал вестник. Деревенские единогласно решили последовать совету юноши: возвести храм в честь погибшей семьи Ван и вымолить у их мятежных душ прощение. Они умоляли Чу Вэя указать наиболее благоприятное, чистое с точки зрения фэншуй место, чтобы немедленно приступить к строительству.

Чу Вэй противиться не стал и сразу назвал облюбованный им пустырь. Им оказался участок, где стоял дом дяди Чжана.

Когда-то давно здесь ютилась лачуга несчастных Ван, но после страшного пожара, обратившего все в пепел, предприимчивый Дядя Чжан быстро прибрал пустующую землю к рукам. Пришло время платить по старым долгам и возвращать украденное.

Останки дяди Чжана и его супруги предали огню, а прах по указанию Чу Вэя зарыли на отшибе. Ни поминальных речей, ни обрядов — лишь два сиротливых холмика без имен у самой кромки леса.

Работа в деревне закипела. Дружный крестьянский труд творит чудеса: в первый же день двухэтажную глиняную мазанку покойного дяди Чжана сровняли с землей, расчистив площадку, а наутро заложили первый камень будущего храма.

Святылище вышло скромным по размеру, но ладным. Внутри обустроили алтарь и установили семь глиняных изваяний — по числу загубленных душ. Благодаря общим усилиям стройка завершилась в рекордные сроки: не прошло и двух недель, как последние штрихи были положены.

Все это время Чу Вэй изо дня в день навещал старосту, поддерживая в угасающем теле искру жизни. На самом деле он лишь сдерживал ледяную мертвую ци, не позволяя ей окончательно разрушить меридианы больного. Это было временным спасением, а не исцелением — чтобы навсегда очистить плоть старосты от тлетворного влияния, требовалось упокоить разгневанных призраков.

В день торжественного открытия у стен нового храма собралась вся деревня.

Под прицелом десятков испуганных глаз Чу Вэй медленно перешагнул порог и опустил черный

стеклянный шар на постамент в самом центре святилища. Едва сфера коснулась камня, по залу пронесся ледяной порыв ветра, заставив присутствующих содрогнуться до глубины души. Хлад могилы коснулся каждого сердца, укрепив в людях решимость молиться не щадя сил.

Чу Вэй бережно разложил свитки с начертанной им от руки Сутрой Сердца перед глиняными фигурами, чтобы каждый мог читать священный текст. Так началось долгое великое упокоение.

И все же один вопрос продолжал терзать душу Чу Вэя, не давая ему покоя. Улучив минуту, он отвел жену старосты в сторону и спросил напрямую:

— Семья Ван погибла из-за драгоценного нефрита. Почему же никто в деревне ни разу не обмолвился о судьбе этого камня?

При этих словах лицо женщины исказилось от досады:

— В том-то и беда! Мы и сами до сих пор ума не приложим, куда он делся. В ту самую кошмарную ночь проклятая побрякушка словно сквозь землю провалилась.

— Исчезла? — нахмурился Чу Вэй. — Быть может, кто-то из ваших прибрал ее к рукам втихаря?

— Исключено, — покачала головой собеседница. — Мы тогда каждый дом перерыли вверх дном, боялись, что кто-то утаит сокровище. Но ни единого следа так и не нашли.

Загадочный нефрит, ставший причиной гибели целого рода, будто растворился в воздухе. За давностью лет отыскать его теперь не представлялось возможным.

Так или иначе, буря миновала, и в деревне вновь воцарилась привычная, сонная тишина. Однако каждый житель понимал, какая зыбкая и обманчивая эта гладь.

Покончив с хлопотами, Чу Вэй заперся в своем ветхом доме. Настало время грызть гранит науки и усердно совершенствовать дух. Даже Чэн Даню, не раз приходивший звать друга на прогулку, неизменно натыкался на запертую дверь.

Чу Вэю нужно было учиться. Сдать экзамены, поступить в приличный вуз и навсегда покинуть эти забытые богом места, чтобы своими глазами увидеть бескрайние просторы большого мира.

Спустя несколько дней добровольного затворничества в его сознании вновь зазвучал знакомый голос Наставника. Очевидно, в прошлый раз Чу Вэй действительно не на шутку разгневал Шифу, раз тот так долго не давал о себе знать.

Обрадованный его возвращению мальчишка без умолку защебетал, спеша поделиться всеми

новостями и забавными случаями, произошедшими за время разлуки. Особое внимание он уделил знакомству с Ляокуном и Ляожанем.

«Шифу, я ведь только теперь узнал, что нашими умениями можно зарабатывать на жизнь! Оказывается, люди платят огромные деньги за оценку фэншуй и изгнание злых духов»

«Если все получится, мне больше не придется голодать в городе. По крайней мере, кусок хлеба у меня всегда будет»

Хуа Жун безмолвно выслушал восторженную тираду ученика.

«И что же, ты твердо решил заделаться заурядным гадателем?»

Чу Вэй сперва мотнул головой, но тут же нерешительно кивнул:

«Не совсем... Честно говоря, я еще сам толком не знаю, кем хочу стать. Но раз это приносит доход, почему бы и нет? Без гроша в большом городе долго не протянешь»

Юноша мечтательно подпер подбородок ладонями и уставился на усыпанный звездами бархат ночного неба.

«Вот бы мне раздобыть мобильный телефон. Было бы здорово...»

В мыслях Хуа Жуна промелькнуло недоумение:

«Телефон?»

«Ну да! — заулыбался Чу Вэй. — Смогу читать новости, узнаю, как живут люди за пределами нашей глуши. А то приеду в столицу деревенщиной неотесанной, позору не оберусь»

О самом главном он, конечно, умолчал: с телефоном он смог бы находить клиентов и брать заказы заранее. Ему хотелось не просто выжить — в его сердце крепла заветная мечта построить уютный, теплый дом, где они с Шифу наконец-то будут вместе.

Хуа Жун ничего не ответил, лишь велел показать тетради и строго проверил домашнее задание.

Столица

В это же самое время на другом конце страны, в элитном особняке, удушливый надсадный кашель эхом разносился по погруженной во мрак спальне.

На широкой постели метался в лихорадочном бреду бледный, изнуренный болезнью мужчина с на удивление красивым, породистым лицом. Даже во сне его брови хмурились от мучительной боли.

За дверью слышались торопливые шаги прислуги и встревоженный шепот:

— Молодой господин опять заходится кашлем! Скорее несите лекарство!

В комнате мягко вспыхнул свет. Мужчина медленно открыл глаза и, хрипло дыша, отдал распоряжение, повергшее дворецкого в крайнее изумление:

— Купите лучший мобильный телефон и отправьте его почтой.

<http://bllate.org/book/19040/1933589>